

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАПОВЕДНИКОВ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

Центральная научно-исследовательская лаборатория
охотничьего хозяйства и заповедников

ОХОТОВЕДЕНИЕ

Сборник
трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»
Москва 1974

- Чесноков Н. И. Промхозы обского севера.—«Охота и охотничье хозяйство», 1967, № 10, с. 9.
- Чесноков Н. И. Об организации заповедников в северном приобье.— В кн.: Рациональное использование и охрана живой природы Сибири. Томск, 1971, с. 229—230.
- Штильмарк Ф. Сохранить уникальную популяцию бобров.—«Охота и охотничье хозяйство», 1970, № 5, с. 24—25.
- Штильмарк Ф. Нужды охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа.—«Охота и охотничье хозяйство», 1970а, № 10, с. 4—5.
- Штильмарк Ф. Р. О восстановлении Кондо-Сосьвинского заповедника.— В кн.: Рациональное использование и охрана живой природы Сибири. Томск, 1971б, с. 231—232.
- Штильмарк Ф. Р. Прошлое и современное состояние Кондо-Сосьвинского очага аборигенных речных бобров.— В кн.: Зоологические проблемы Сибири. Новосибирск, 1972, с. 502—503.

УДК 639.11/16(571.1)

В. В. Раевский

ОЧЕРКИ ОХОТНИЧЬИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ КОНДО-СОСЬВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

От редакционной коллегии. Эта статья является частью неопубликованного труда известного натуралиста В. В. Раевского (1905—1947 гг.), написанного на основе длительных стационарных наблюдений в Кондо-Сосьвинском заповеднике, где автор работал с 1937 по 1947 г. В 1946 г. уже будучи тяжело больным, он завершил рукопись «Позвоночные животные Кондо-Сосьвинского заповедника» объемом более 300 страниц машинописи. Она состоит из описания природных условий заповедника, повидовых очерков млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий и рыб, краткого зоогеографического анализа и описания сезонных явлений природы. Рукопись хранится в Госархиве РСФСР и библиотеке ЦНИЛ Глав-охоты РСФСР (см. статью Ф. Р. Штильмарка в настоящем сборнике).

В настоящее время бывшая территория Кондо-Сосьвинского заповедника подвергается значительным преобразованиям в связи с хозяйственной деятельностью. Это ведет к существенным изменениям в составе и структуре биоценозов, в частности охотничьей фауны. Неопубликованные материалы В. В. Раевского могут иметь сейчас большое значение для изучения этих процессов.

Рукопись В. В. Раевского отредактирована и частично сокращена. Очерк о соболе имеет самостоятельный интерес, хотя гораздо более подробные сведения содержатся в известной книге того же автора «Жизнь кондо-сосьвинского соболя», опубликованной в 1947 г.

Соболь в Кондо-Сосьвинском заповеднике и некоторых участках ближайшей к нему тайги самый многочисленный хищник и столь же тривиальный, обыденный зверь, как белка, заяц или лось. Плотность населения разных стаций неодинакова, средний показатель низшей плотности для участков с преобладанием первостепенных угодий (ельники-кедровники, зарастающие гары и т. п. на рр. Ем-Еган и Пурдан) в среднем равен одному соболу на 2,5 км². На участках с преобладанием второстепенных соболей стаций (сосновые боры в Аах-Сунте, Ханс-Туве, Канал-Коле) в среднем низшая плотность выражается цифрой 9,7 км² на каждого соболя. В период истребления соболей перед организацией заповедника низшая плотность их, по учетам В. В. Васильева за 1926 и 1927 гг., была соответственно равна 83

и 333 км² на одного соболя. Указанная современная плотность соболя дана по учетам 1933—1943 гг. Она была достигнута уже в 1933 г. и с тех пор не повышается, что дает право утверждать, что это некая «нормальная», «предельная» плотность.

Средний размер охотничьего участка соболя (ареал особи) зимой примерно равен 10 км². В лучших угодьях индивидуальные участки соболей накладываются друг на друга, в худших — обычно лишь соприкасаются. Кольцеванием и другими наблюдениями (многолетнее занятие одних и тех же гнезд), проведенными у нас, доказана чрезвычайная оседлость соболей. Годовой цикл жизни кондо-сосвинского соболя таков: в январе при низкой температуре и трудном для передвижения снеге соболь малодетелен: он по несколько суток проводит в специальных зимних гнездах, пищевой рацион в эту пору однообразен — зверек делает упор на добычу куриных птиц, ночующих в снежных лунках, и пренебрегает поисками мелочи.

При смягчении морозов в феврале забрасываются привычные соболям убежища, расширяется охота, посещаются ягодники, проявляется склонность к дальним путешествиям, образуются сбежки — тропы, становятся обычны случаи встреч соболей, происходят драки, словом, начинается то, что раньше считалось за «лжегон». В марте первые тонкие насты еще более благоприятствуют широкому образу жизни и весеннему оживлению популяции. В апреле конец так называемого «лжегона». Видимое проявление кипучей деятельности соболей есть не что иное, как весьма энергичные поиски голодным зверем пищи. Кормовые возможности в это время сокращены вследствие закономерного падения к весне числа мышевидных, иссыкания кедровых орехов, трудной доступности ягодников (из-за настов).

Из весенней беготни соболей первыми выключаются самки: они еще с марта бывают озабочены устройством надежного гнезда для потомства. Чаще всего выбираются сухие дупла, так как обжитые зимние земляные убежища оказываются теперь уже непригодными: при первой же потайке снега они заливаются водой. Большая часть соболят рождается в середине апреля, в то время, когда в лесу еще лежит снег. Обычно в помете 2—3 соболенка. Начало весенней линьки у соболюшки приходится на конец марта, у самцов — на месяц позднее.

Как только в мае обнажится земля, выбор пищи у соболя расширяется — выходит из-под снега брусника, облегчена охота за мышевидными, попадают первые птичьи яйца. С половины мая у соболей-самцов начинают набухать семенники. В это время молодые в гнездах еще совершенно беспомощны, матери находятся при них неотлучно, выкармливая молоком. Со второй половины мая самки носят уже некрасивую летнюю шерсть. Самцы весь май ходят в потрепанном зимнем мехе. В июне самцы деятельны круглые сутки (летом они не нуждаются более в убежищах) — они ищут самок. С 20-х чисел июня оба пола готовы к спариванию.

и 333 км² на одного соболя. Указанная современная плотность соболя дана по учетам 1933—1943 гг. Она была достигнута уже в 1933 г. и с тех пор не повышается, что дает право утверждать, что это некая «нормальная», «предельная» плотность.

Средний размер охотничьего участка соболя (ареал особи) зимой примерно равен 10 км². В лучших угодьях индивидуальные участки соболей накладываются друг на друга, в худших — обычно лишь соприкасаются. Кольцеванием и другими наблюдениями (многолетнее занятие одних и тех же гнезд), проведенными у нас, доказана чрезвычайная оседлость соболей. Годовой цикл жизни кондо-сосвинского соболя таков: в январе при низкой температуре и трудном для передвижения снеге соболь малодетелен: он по несколько суток проводит в специальных зимних гнездах, пищевой рацион в эту пору однообразен — зверек делает упор на добычу куриных птиц, ночующих в снежных лунках, и пренебрегает поисками мелочи.

При смягчении морозов в феврале забрасываются привычные соболям убежища, расширяется охота, посещаются ягодники, проявляется склонность к дальним путешествиям, образуются сбежки — тропы, становятся обычны случаи встреч соболей, происходят драки, словом, начинается то, что раньше считалось за «лжегон». В марте первые тонкие насты еще более благоприятствуют широкому образу жизни и весеннему оживлению популяции. В апреле конец так называемого «лжегона». Видимое проявление кипучей деятельности соболей есть не что иное, как весьма энергичные поиски голодным зверем пищи. Кормовые возможности в это время сокращены вследствие закономерного падения к весне числа мышевидных, иссыкания кедровых орехов, трудной доступности ягодников (из-за настов).

Из весенней беготни соболей первыми выключаются самки: они еще с марта бывают озабочены устройством надежного гнезда для потомства. Чаще всего выбираются сухие дупла, так как обжитые зимние земляные убежища оказываются теперь уже непригодными: при первой же потайке снега они заливаются водой. Большая часть соболят рождается в середине апреля, в то время, когда в лесу еще лежит снег. Обычно в помете 2—3 соболенка. Начало весенней линьки у соболюшки приходится на конец марта, у самцов — на месяц позднее.

Как только в мае обнажится земля, выбор пищи у соболя расширяется — выходит из-под снега брусника, облегчена охота за мышевидными, попадают первые птичьи яйца. С половины мая у соболей-самцов начинают набухать семенники. В это время молодые в гнездах еще совершенно беспомощны, матери находятся при них неотлучно, выкармливая молоком. Со второй половины мая самки носят уже некрасивую летнюю шерсть. Самцы весь май ходят в потрепанном зимнем мехе. В июне самцы деятельны круглые сутки (летом они не нуждаются более в убежищах) — они ищут самок. С 20-х чисел июня оба пола готовы к спариванию.

соболу не страшно. Зимой же остаются лишь совы и тетеревики, причем все совы редки, и их охота в заснеженной тайге не может быть добычливей, чем у соболя. Что касается ястребов-тетеревятников, то число сбиваемой ими боровой дичи, по моим наблюдениям, меньше того урона, который наносят куриным соболям. Зимой соболю ни с кем из птиц и крупных зверьков не делит свою ягодную пищу — бруснику (разве только с полевками). Урожай кедрового ореха здесь невелик, но зато мало бурундуков и медведей, которые в других частях ареала соперничают с соболями в питании кедровым орехом. Деятельность же белок и кедровок, по моим наблюдениям, идет на пользу соболю: он добывает орехи именно из запасов этих животных.

Если добавить еще, что соболю всегда достаточно количество мышевидных и птиц, что ягоды, которыми он питается, имеются в наличии круглый год (брусника), что кедровые орехи он умеет найти всегда, пока они есть в природе или в чужих запасах, что, наконец, соболю в наших условиях никогда не предпринимает перекочевки, не имеет специальных врагов и неизвестно, чтобы он был подвержен болезням, то станет ясно, что биологическая среда (живое окружение) исключительно благоприятствует соболю. Осталось добавить к этому счастливому сочетанию охраняемые меры, и мы имеем налицо отрядный факт возрождения в наши дни на территории Кондо-Сосьвинского заповедника и окрестной тайги именно той высокой «исторической» плотности соболя, которая обычно считается атрибутом давно прошедшего времени, когда Сибирь славилась баснословным обилием собожьих мехов.

Куница в заповеднике сейчас не встречается, что связано с большой численностью соболей. В прежние времена, когда соболей было меньше, при соболевании на ныне заповедной территории охотники изредка добывали и куниц. Так, И. Г. Езин в один из дореволюционных периодов на р. Потлох убил 8 соболей и 1 куницу. По его словам, единичных куниц добывали охотники, промышлявшие на Нюрух-Юше. М. А. Маремьянин рассказал мне о кунице, пойманной им в тот же период по р. Унштытын-Еган. Наконец, по данным В. П. Малистратова и А. А. Ячигина, каждый из них в 1926 г. имел по кунице с промысловых угодий Унт-Юш и Нюрух-Юш. Ближайшие к заповеднику современные находки куниц находятся на р. Еготье (юго-западной заповедника), где 1 куницу добыли в 1938 г. и к р. Пунге (севернее заповедника), где в том же году видели следы другой.

Что касается кидуса, то за последние годы близко от заповедника этот гибрид соболя и куницы был добыт на Корысье, а также на тапсуйской Ворье в 1939 г. и в Тунзинкурте в 1943 г. Числовое соотношение соболей, куниц и кидусов вблизи заповедника колеблется. Так, в сезон 1931/32 г. В. П. Малистратов в Холодной сдал 16 соболей, 4 куницы и 1 кидуса. С 1929 по 1934 г. А. Доронин на 50 соболей имел с р. Пидым 1 куницу и 1 кидуса. Зимой 1939/40 г., по данным П. П. Игнатенко, в Тимкапауле заготовлены 161 соболю, 8 куниц, 1 кидус. Замечается, что куниц и кидусов до

бывали больше, когда поголовье соболей было подорвано. В наши дни численность этих зверей возрастает по мере удаления от заповедника.

Европейская норка. Граница распространения этого вида в Зауралье огибает район заповедника с востока и юга так, что этого зверька у нас нет. По имеющимся сведениям, норка изредка встречается на р. Ляпине (приток Большой Сосьвы), а южнее — в верхнем течении Лозьвы и Сосьвы (притоков Тавды) и Туры. Наиболее близким к заповеднику является нахождение ее на р. Конде в период 1933—1935 гг. (личное сообщение Е. С. Жбанова).

Американская норка. В 1935 г. в верховьях Конды вблизи Есунтского кордона у южной границы заповедника были выпущены 72 норки. Обследование, произведенное в 1938 г., показало успешное размножение и быстрое расселение нового члена фауны. Норка продвинулась на несколько десятков километров от места выпуска и проникла в центр заповедника. В то же время было установлено, что американская норка испытывает недостаток в своих естественных ей кормах: она вышла из пределов узкоприбрежных стадий и встречалась повсеместно наподобие горностая, приспособляясь к питанию чисто наземной пищей. Это и понятно. Местные водоемы, сплошь подверженные замору и частью промерзающие до дна, отличаются бедностью водной фауны (в них мало рыб, земноводных, моллюсков, насекомых) и ожидать здесь найти достаточное количество пищевых ресурсов для норки не приходится. В дальнейшем норка сократилась в числе и сейчас, через 10 лет после акклиматизации, видно, что опыт не дал ожидаемых результатов. Хотя американская норка и не погибла совсем, но занять всю территорию заповедника и его района, как заняла ондатра, она не в состоянии до сих пор.

Колонок. По исследованному району проходит граница распространения этого хищника. В самом же заповеднике он не отмечен. Севернее, в бассейне р. Малой Сосьвы, этот зверек чрезвычайно редок. Известны следующие пункты добычи или встречи: Ханларзин (1930 г.), Большая Ева (1938 г.), Нерга-Еган (1932 г.), Тург (1927 г.), Сорым-Пузе (1940 г.). Южнее заповедника по Конде колонка промышляют более регулярно, в частности вблизи заповедника — на р. Еготье. В 1940 г. колонок был найден на Тапсуе.

Горностай — второй по численности хищник, уступающий первенство соболю. Замечается легкий экологический викарнат между сободем и горностаем: чем плотнее заселен какой-либо участок одним из них, тем меньше он заселен другим. Тут сказывается также тяготение соболя к более затененным, а горностая — к более светлым местам.

Ласка — обычный, широко распространенный у нас хищник.

Росомаха — обычна и широко распространена в заповеднике.

Барсук в самом заповеднике не найден, однако он встречается южнее, а также и значительно севернее. Ближайшим к заповеднику с севера районом обитания барсука является участок распо-

ложения юрт Тунзинкорт, где норы этого зверя были обнаружены А. А. Ячигиным лет десять назад. Далее, в нижнем течении р. Малой Сосьвы 1 барсук был добыт в 1938 г. Осенью 1939 г. был найден барсук, утонувший в р. Большой Сосьве у Анеевой (за 63° с. ш.). По данным пушника Бурмантова, около 15 лет назад несколько шкур барсука были приняты заготовительным пунктом в селе Шеркалы на Оби. Как особенно интересный факт, отмечу сообщение, сделанное В. Н. Скалому охотоведом Лапиным о добыче барсука из норы близ Салехарда (Полярный круг). Этот случай имел место незадолго до 1940 г.

Выдра в заповеднике немногочисленна, постоянно держится только на двух наиболее рыбных реках — Ессе и Ем-Егане, остальные водоемы посещает нерегулярно.

Бурый медведь в заповеднике обычен. Наиболее раннее залегание в берлогу отмечается в середине сентября (15 сентября 1945 г.), отдельные особи ходят еще в октябре (20 октября 1940 г.). Выходят из берлоги в основном 15 апреля (крайние даты 3 апреля 1945 и 29 апреля 1939 г.).

Волк. Местная популяция малочисленна. Волков в заповеднике намного меньше медведей. Мне известны следующие места, где летом обнаруживали выводки волков: вершина Сорым-Пузе, вершина Нюруха, р. Нехсапр-Еган. В те зимы, когда в заповеднике появляются в массе прикочевывающие северные олени, количество волков увеличивается за счет стай, следующих за копытными.

Лисица. Плотность лисиц в кондо-сосьвинской тайге по сравнению с плотностью в открытой Обской долине, лежащей в каких-нибудь полтора-два километра от заповедника, ничтожна. Их, пожалуй, еще меньше, чем волков.

Песец. О заходе этих зверей в самый заповедник мне известно только со слов наблюдателя охраны И. Г. Езина, видевшего 10 февраля 1940 г. след песца, пересекшего р. Есс южнее Нехсапра (примерно $61^{\circ}40'$ с. ш.). Этому же песца проследили тимкапаульские манси: он шел по направлению к заповеднику с Тапсуя и Ингура. Севернее заповедника И. Г. Езин добыл песца на Тула-Егане в 1919 г., на Шинь-Егане — в 1933 г. Песцов изредка добывают, кроме того, в районе Саракурт-Шеркалы (на Оби), а также по Большой Сосьве.

Рысь в заповеднике и всем его районе исключительно редка, за зиму удается увидеть 2—3 следа этого зверя.

Косуля. Ареал распространения подходит близко к району заповедника. По данным, собранным В. Н. Скалоном, косуля встречается по Конде, а единицы даже добираются почти до Арантура (южнее заповедника, 61° с. ш.). На Оби установлен ряд случаев появления косули у Белогорья и Троицы. В 1927 г. было зарегистрировано появление косули в окрестностях Леушей, т. е. она перешла тут к северу за 62° с. ш. Нами не отмечалась.

Лось. Плотность этих зверей в кондо-сосьвинской тайге, в основном состоящей из сосновых ассоциаций, должна быть признана не очень высокой. Южнее заповедника, в Гарях, на Тавде, где

шире распространены березняки и осинники, лоси достигают большей плотности. На Оби есть места, где запасы лосей превышают наши запасы. Особенно много, в несколько раз больше, чем у нас, лосей на р. Демьянке. Количество лосей в заповеднике и прилегающей тайге непостоянно: зимой их много, летом мало, ибо большая часть поголовья отправляется летовать в Обскую долину и в низовья Малой Сосьвы — на открытые места, где ветер отгоняет кровососущих насекомых и где летние травянистые корма богаче.

Весной, как только осядет снег (апрель), пустеют места зимних стоянок лосей. Из заповедника откочевывает в северном направлении основная масса быков и холостых маток. Если откочевке мешают насты, то после них движение становится весьма интенсивным. Так, с 29 апреля по 3 мая 1942 г. на протяжении маршрута в 80 км от Нягынга до Хангакурта я насчитал 200 следов лосей, прошедших на север. Чаще остаются в заповеднике стельные лосихи, которые концентрируются по долинам рек, где в последней декаде мая происходит их отел. Оставшиеся в меньшем числе быки также приближаются к водоемам, вначале (конец мая — начало июня) в поисках свежей травы, которая появляется в это время по берегам, а затем — для спасения от комаров, мошек и оводов.

Лоси страдают от укусов насекомых тем более, что как раз в период обилия гнуса они покрыты редкой летней шерстью. Звери находят облегчение лишь в воде речек и стариц или они проводят время на безлесных болотах, где есть движение воздуха. В глубине тайги, вдали от рек и болот в комариное время (июнь — половина августа) лосей не найти. В августе, к моменту начала гона, заметна подвижка местных лосей на березовые возобновления по гарям, куда их привлекает осенний корм: ветви молодых побегов и остающаяся здесь несколько дольше, чем в других местах, зеленая листва кустистых берез.

В конце августа — начале сентября быки становятся чрезвычайно жирными: приходилось убивать зверей со слоем подкожного сала на спине в 10 см в наиболее толстом месте и общим весом жира — 70 кг. Во второй половине сентября рога самцов очищаются от шерсти. В это время на чистовинах в лесу можно найти исковерканные рогами лосей деревья в несколько сантиметров толщиной или более крупные стволы с ободранной корой.

С периодом гона связано также приобретение лосем настолько резкого «звериного» запаха, что некоторые собаки, боясь его, отказываются работать по лосю в гон. С этим временем совпадает и осенняя линька лосей. Рев лосей в заповеднике слышится с первых чисел сентября (старые звери), достигая разгара к 20-м числам этого месяца, но продолжается иной раз и весь октябрь (молодые быки). Это и есть собственно период гона. У одной самки собираются до 3—4 быков. Количество лосей, возвращающихся на места зимовок, беспрестанно увеличивается в течение всего периода гона с сентября по октябрь. В начале декабря старые быки теряют рога, молодые носят их до января, новые рога начинают

расти в апреле-мае. Зимой лоси собираются на места стоянок, какими служат гари и площади молодых сосняков по всей территории заповедника. Наибольшее стадо лосей, встречаемое зимой местными охотниками, 12 голов.

Северный олень. Популяция оленя в еще большей степени, чем популяция лося, находится в движении. Северных оленей летом в заповеднике во много раз меньше, чем лосей. Весенняя откочевка оленей поддается непосредственному наблюдению: звери идут группами, днем и всегда в одном направлении. Начинается этот процесс раньше, чем у лося (в апреле), и затягивается до конца мая. Движение идет примерно в том же северном и северо-восточном направлении и увлекает почти всю популяцию этого вида из тайги на болота между Малой Сосьвой и Обью и на обские сорá. Обратный путь оленей проследить гораздо труднее: они появляются в районе заповедника уже глубокой зимой (в декабре-январе), причем не каждый год в одинаковом количестве. Выдаются годы, когда число оленей зимой в заповеднике намного превышает число лосей. В этих случаях на больших болотах, где кормятся стада оленей, весь снег бывает покрыт их следами. Местами они утаптывают порядочные площади своих стоянок не хуже, чем бывают утоптаны загоны домашних оленей. Большое количество оленей ранней весной (март-апрель) появляется в борах-беломошниках и на болотах южной территории заповедника, а также в ближайших местностях по Конде и ее притокам.

Общей местной особенностью обоих видов копытных, населяющих заповедник, является откочевка большей части их поголовья на лето из тайги в более открытые места. Если лосиное стадо заповедника примерно 5 месяцев в году проводит к другому месту и все же на осень и зиму вновь становится под охрану заповедных границ, то в отношении северных оленей вряд ли можно даже говорить о каком-либо определенном стаде, связанном с территорией заповедника. Передвижения этих животных носят нерегулярный характер: они то захватывают заповедную территорию, то оставляют ее в стороне, то через заповедник прокочевывают из более удаленных от летних пастбищ мест. Создается впечатление, что многочисленные олени, широко кочующие и испытывающие весьма малое преследование со стороны охотников, на данном этапе попросту «не замечают» нашего заповедника.

Зяц-беляк — один из обычных зверей заповедника.

Белка¹. Несмотря на полное отсутствие охоты в пределах заповедной территории, колебание численности этого зверька здесь аналогично изменениям поголовья на окружающей опромышляемой территории.

Уплотнения поголовья белок внутри заповедника незаметно, что зависит от слабого промысла во всем районе. Интересно, что роль белки в пище соболя, как показывают анализы, ничтожна (5%

¹ Раздел о питании белок, представляющий самостоятельный интерес, здесь опущен (Ред.).

встречаемости). Тем не менее большое стадо соболей Кондо-Сосьвинского заповедника становится одним из серьезных факторов, уменьшающих к весне популяцию белок. Соболи предпринимая вылазки за белками зимой, когда охота за ними, в которой соболь вообще весьма неловок, облегчена из-за их меньшей подвижности. Летом же основу питания соболя составляет совершенно другая пища, и поэтому он не может контролировать размножение белок.

В январе, несмотря на крайне суровые температурные условия, у белок кончается период полового покоя. У части самцов к концу месяца уже отмечается спермогенез. К середине февраля, когда проявляются внешние признаки гона белок на следах, полный спермогенез протекает почти у всех самцов. Так длится весь март и апрель. Среди активных самцов в мае появляются особи с семенниками в полном покое (осеннего типа). К августу такие самцы доминируют. С сентября самцов со спермогенезом вовсе нет.

Для самок в январе характерен быстрый рост фолликул. Около середины февраля — начало массовой течки и появление первых беременных особей. Часть самок остается непокрытой до середины марта. В апреле количество находящихся в течке самок уменьшается. Первые кормящие самки встречены в мае, последняя — 9 сентября (1934 г.). Как исключительный случай отметим добычу 1 декабря (1940 г.) на Мулымье белки-самки в летнем красном мехе и с выделявшимся из грудных желез молоком. В течение лета самки дают не больше двух приплодов. Месяцем нормального прекращения их половой активности, по гистофизиологическим данным, является сентябрь.

С периодом гона совпадает начало весенней линьки белок. Первый экземпляр, имеющий уже вполне оформившийся летний мех, добыт 29 мая (1932 г.). Самая поздняя встреча белки с серой зимней шерстью отмечена 16 июня (1941 г.). Осенняя линька белок начинается в сентябре. Выход белок «на чистую» колеблется в широких пределах, иногда такие белки встречаются уже в середине октября и даже раньше (10 октября 1942 г.). Иногда линька затягивается до 11 ноября (1941 г.).

Бурундук в Конго-Сосьвинском заповеднике и его районе не достигает высокой численности. Так, в борах — главной станции бурундука — его встречаемость с мая по сентябрь равна одной особи на каждые 11 км пути. В содержимом 150 анализированных желудков кондо-сосьвинских соболей бурундук ни разу не найден. Если в других частях своего ареала соболь, возможно, добывает кедровые орешки из кладовых бурундука, то у нас он об-бывает кедровые орешки из запасов кедровок. Выход бурунду-ращается главным образом к запасам кедровок. Выход бурунду-ков из спячки происходит в среднем 11 апреля (крайние даты — 5 апреля 1943 г., 14 апреля 1939 и 1942 г.). Последнее наблюдение осенью: 27 сентября 1941 г. и 30 сентября 1940 г.

Летяга в пределах изученного района встречается редко. По личному опыту я могу сопоставить наблюдающуюся здесь плотность летяг только с плотностью их на Верхней Волге (Калининская

область), причем в тех лесах они гораздо обычной, чем в кондососьвинской тайге.

Речной бобр. Кондо-Сосьвинский заповедник охватывает весь центр современного остаточного ареала распространения западно-сибирских бобров (новый, реакклиматизационный ареал возник с 1935—1937 гг. на р. Демьянке, куда были выпущены наши бобры). Подавляющее большинство бобровых поселений кондо-сосьвинской колонии находится на верхних притоках Конды и Малой Сосьвы (откуда и название всей колонии). В незначительном количестве бобры встречаются на речках системы Тапсуя (правый приток Большой Сосьвы) и в одном случае они были отмечены на р. Пидыме, притоке р. Нягын, впадающей в Обь. Всего бобрами населено около полусотни рек, половина из которых протекает по заповеднику. На территории заповедника обитает более $\frac{2}{3}$ всей популяции бобров.

Во время учета (к сожалению, неполного), произведенного в 1940 г., в заповеднике насчитывалось 41 бобровое поселение со 168 особями. То же число поселений насчитывалось и в 1942/43 г. Вне заповедника учеты бобров проведены Супринской и Шухтункуртской промыслово-охотничьими станциями. Первой из них в 1943 г. на притоках Конды учтено 19 бобров, по данным второй, в 1944 г. на притоках Малой Сосьвы обитало от 17 до 21 бобра.

Суммируя эти цифры, мы получаем для периода 1940—1944 гг. 204—208 бобров во всей кондо-сосьвинской колонии. Хотя эти данные и неполны, и кроме того совсем отсутствуют сведения о числе бобров в системе Тапсуя, но поскольку и вне и внутри заповедника обследованию подверглись важнейшие реки кондинского и малососьвинского бассейнов, можно предполагать, что общее наличное поголовье популяции не превышает сейчас 300 особей. Между тем в 1933 г. вне и внутри заповедника было учтено 320 бобров. Еще в 1928 г. В. В. Васильев хотя и опубликовал собранные им от охотников опросные данные о количестве бобров (788 шт.), но, относясь к этому материалу критически, сам же считал наиболее вероятным наличие всего лишь 300 бобров во всей колонии.

Итак, за истекшие со времени организации заповедника 15 лет, нет увеличения общего поголовья бобров (зато, правда, есть факты незначительного расширения ареала, главным образом по более низким притокам Конды и Малой Сосьвы).

Речной бобр — одно из наиболее редких в заповеднике и его районе млекопитающих. Это видно и из абсолютного числа зверей (около 300 зверей на пространстве более 30 тыс. км²) и из плотности их на реках (в среднем одно бобровое поселение на 40—50 км реки). Со времени начала учетов наиболее густо бобры жили на реках Хаш и Пурдан в 1933 г. — 11 поселений на 135 км (одно поселение на 12 км реки). В более южных районах СССР при наличии более богатой кормовой базы возможна плотность бобров, в 50 с лишним раз превосходящая ту, которая наблюдается сейчас.

Подобное положение в нашей бобровой популяции, т. е. отсутствие прироста в заповеднике, весьма слабое расширение ареала

вне его и малая плотность заселения водоемов, служит предметом постоянного сравнения с цветущим состоянием стада соболей, которое, у всех на глазах, значительно размножилось, отвоевало обратно много мест своего недавнего распространения и достигло в районе заповедника очень высокой плотности. Такое сопоставление тем более понятно, что тут рассматриваются судьбы двух главных объектов охраны Кондо-Сосьвинского заповедника (недаром он носит название боброво-соболиного заповедника).

Желание видеть одинаково успешное размножение как соболей, так и бобров, конечно, вполне законно. Между тем результаты первого этапа заповедания части ареала этих зверей оказались резко различны, ибо биология, географическое распространение, история, экономическое значение и нужные формы охраны обоих зверей далеко не одинаковы.

Начать хотя бы с того, что природа нашей территории представляет собою один из вариантов (другой вариант лежит в горах) возможных оптимальных условий, чего, однако, нельзя констатировать по отношению к бобру, находящемуся здесь близ северной границы своего прежнего широчайшего распространения. Более чем на половине занятых им рек (практически на всех притоках Малой Сосьвы и на самых верхних — Конды), где отсутствует осина, бобры вынуждены заготавливать на 6 зимних месяцев березу, которую нельзя назвать иначе, как «пищей по нужде», причем восстанавливается она в условиях наших долин крайне медленно.

В чем разница в предшествовавшей заповеднику истории промысла здешних бобров и соболей? В том, что соболь некогда (при слабой охоте) в данной тайге был весьма многочислен, но затем сведен за короткий период неограниченного промысла до единиц. Прекращение охоты дало обычную для таких случаев реакцию — вид вновь размножился до прежнего или даже выше прежнего уровня. Бобры же не были предметом напряженного промысла; ханты и манси исстари вели умеренную эксплуатацию зверей. Возникший было на некоторых реках по Конде пушной бобровый промысел русскими охотниками не успел получить значительного распространения. На реках системы Малой Сосьвы пушного бобрового промысла никогда не бывало.

Даже более того, по мнению многих авторов, в частности В. Н. Скалона¹, здешние бобры именно поэтому избежали истребления и сохранились до наших дней, что местные охотники подерживали нечто вроде примитивного бобрового «хозяйства». Это подтверждается, во-первых, тем, что существовала система нарочитого сокрытия бобров, чего не было в отношении каких-либо других зверей. До сих пор местные жители чрезвычайно неохотно говорят о бобрах. Во-вторых, ханты и манси никому не передавали свою монополию на бобровые реки. К моменту организации заповедника

¹ Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., изд. МОИП, 1951, 198 с. (Ред.).

популяция бобров — объект столь ревнивого попечения со стороны заинтересованных в ней людей — не была так сильно сокращена, как была сокращена в самые последние годы популяция соболей. От этого бобры, интенсивность охоты на которых не сопоставима с охотой на соболей, и не могли дать размножения, сколь-нибудь сравнимого с размножением соболей, показавших бурный рост поголовья, как только прекратилась безумная погоня за ними.

Разница в сути и в формах соболиных и бобровых промыслов и в товарном значении добываемых зверей не менее важна. Единственная ценность соболя в его шкурке, которая идет в общие заготовки, следовательно, соболь — это обычный объект пушной охоты. Бобр же обладает двумя ценностями — шкурой и струей. Причем в местных конкретных условиях основное значение имеет струя. И вот оказывается, что ритуальные потребности ханты и манси в бобровой струе, сыгравшие в свое время положительную роль, т. е. спасшие нам бобров от гибели, сейчас действуют отрицательно — препятствуют процветанию бобровой колонии. Ибо добыча бобров (речь идет о всем стаде) перешла в подполье, получаемый продукт — бобровая струя — продолжает по скрытым каналам тайно расходиться среди определенного круга потребителей (шкурки обычно теперь не используются). Эта браконьерская охота (ни о каком «хозяйственном подходе» теперь уже не может быть и речи), особенно сильна на соседней территории, населенной манси (Тимкапауль), частично захватывает и самый заповедник. Так, в 1945 г. в лесном лабазе браконьеров, живущих в 40 км от заповедника (Песпауль) и имеющих лодку на пограничной р. Есс, найдена бобровая шуба и десяток бобровых шкур, часть которых свежие.

Различный результат, который дали в отношении соболя и бобра одни и те же охранные меры, понятен. Для того чтобы помочь соболям подняться на ноги, достаточно было одновременно с созданием заповедника организовать повсеместный запуск этого зверя, подкрепленный тем, что заготовительные организации не принимали соболя шкурки. Те же меры по отношению к бобру не дали решительного эффекта, так как хотя шкуры бобра, понятно, нигде и никогда в заготовках не фигурируют, бобров бьют из-за струи, которая находит сбыт, минуя официальный рынок.

Упомянем еще, что численность бобров уже в условиях их охраны на реках мало-сосвинской системы (вне и внутри заповедника) была заметно снижена при вылове зверей для местного питомника и реакклиматизации на Демьянке. В 1932, 1933, 1935, 1937 гг. отловили 48 бобров, причем нарушили 16 поселений на 13 реках. На четырех из них (Большая Ева, Большой Онжас, Чакня, Рось-Еган) вплоть до 1943—1944 гг. бобры не восстановились.

Опыт этого отлова дает ценный материал для понижения степени интенсивности былого бобрового промысла, по образцу которого он был построен (и раньше при изъятии бобров целыми семьями бывали случаи искоренения их на определенных реках,

например до сих пор пустыют рр. Ай-Еган и Панды-Еган, где еще в дооктябрьский период все бобры были однажды переловлены М. А. Маремьяниным). Оказывается, что эксплуатация бобровой колонии была во всяком случае слабее, чем при указанном организованном отлове, когда в среднем за год добывалось по 12 зверей, разрушалось по четыре поселения и надолго опустошалась одна река. Иначе наличных запасов бобров хватило бы охотникам (не организуйся заповедник) вперед лишь на 2—3 десятка лет и для прошлого надо было бы предположить весьма быструю количественную и территориальную деградацию колонии. Последнее же допущение неприемлемо, ибо оно противоречит нашим наблюдениям над следами прежнего распространения бобров и другим данным.

Нельзя, конечно, полностью отрицать какую-либо эффективность истекшего периода законодательной охраны бобров. Нами уже упоминалось, что произошло некоторое расширение ареала этого зверя. Как видно, бобр, особи которого кочуют летом на десятки и сотни километров, имеет склонность к экстенсивному освоению территории, и в этом опять-таки он не похож на оседлого соболя, выселяющегося из данных угодий не раньше достижения там интенсивной плотности. Для повышения продуктивности бобрового стада даже идеальная охрана может оказаться недостаточна.

Одновременно с действенной охраной следует, основываясь на изучении экологической обстановки, окружающей наших бобров (работы З. И. Георгиевской), принять меры к устранению влияния природных факторов, тормозящих рост бобрового стада, а также продолжить работу по созданию новых очагов распространения, беря в пример удачную реакклиматизацию бобров на Демьянке.

Ондатра. Летом 1932 г. 49 особей ондатры были выпущены на Малой Сосьве в нескольких десятках километров севернее заповедника. Промысловая охота на ондатру началась на месте выпуска с 1936 г. Уже к 1939 г. в результате расселения из этого и из других очагов акклиматизации (Конда, Большая Сосьва, Обь) ондатра заняла всю площадь исследуемого района и, в частности, весь заповедник. Однако плотность ее здесь невелика (по данным В. В. Васильева, 1 семья на 2 км береговой линии), ибо жестко лимитируется местными климатическими условиями, из которых наиболее губительно промерзание водоемов до дна. Начало весеннего гона ондатры в условиях р. Малой Сосьвы относится к последним числам апреля — началу мая, конец — к середине июня, рождение первого приплода — с 20 мая по 10 июня, рождение второго — в июле-августе, третьего — в первых двух декадах сентября (третий помет бывает редко). Число молодых до 10.

Крот распространен исключительно по долинам рек (например, Малой Сосьвы, Ем-Егана, Конды, Есса). Только здесь кроты находят достаточно богатые перегноем, а следовательно, и земляными червями почвы. Вне значительных долин в моховой тайге кроты не встречаются, нет их поэтому и в центре заповедника. Впрочем, и на

перечисленных реках, образующих границы заповедника, кроты немногочисленны. Причина этого ясна — зверьки могут обитать лишь на узкой (в лучшем случае в несколько десятков метров) дренированной бровке намывной почвы между руслом и заболоченной частью долины и только в том случае, если она не заливадается в половодье.

Стации крота — елово-пихтовый прибрежный лес с голой почвой, покрытой опавшей хвоей, или прибрежные березняки с богатым травянистым покровом. Во время летнего спада вод приходится изредка видеть кротовины и на песчаных отмелях у воды. В среднем и нижнем течении Малой Сосьвы, по мере увеличения участков плодородных аллювиальных почв, обычно занятых богатыми черемушниками, крот становится гораздо многочисленнее. У Шухтурта (в 60 км к северу от заповедника) существует даже небольшая промысел их. Точно так же в среднем и нижнем течении рр. Конды и Мулымьи кротов больше, чем у границ заповедника.